

“ПЕРЕСТРОЙКА” – ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ Революция и контрреволюция в России

В.Б. Пастухов

Ключевые слова: Россия, перестройка, революция, контрреволюция, Хрушев, Берия.

Умирают короли и королевства –
всему приходит свой срок, ибо все ведь
только “временный фантом, пусть
даже реально существующий”.

Томас Карлейль

Россия живет ожиданием новой “перестройки”. Политически активные граждане разделились на тех, кто в нее верит (меньшинство), и тех, кто в нее не верит (подавляющее большинство). Среди тех, кто не верит, в свою очередь есть те, кто перестройки не желает, потому что и так хорошо живет (меньшинство), и те, кто ее желает, но полагает, что до нее не доживет (подавляющее большинство).

Таким образом, основная часть политически активного населения России сегодня верит в стабильность существующего политического режима независимо от того, нравится он ему или нет. Стабильность – это политическая икона современной России.

Тем не менее, на протяжении XX в. история России была свидетелем нескольких немотивированных самоликвидаций авторитарных режимов, которым, несмотря на наличие определенного внешнего и внутреннего давления, ничего серьезно не угрожало. Самыми яркими примерами такой самоликвидации являются революция 1917 г. и горбачевская перестройка. И в том, и в другом случаях подавляющая часть населения до самого последнего момента не допускала и мысли о том, что режим может рухнуть.

Российский авторитаризм “атипичен” и по своей природе внутренне нестабилен. С одной стороны, Россия выглядит как классическое “недоразвитое государство” с характерными для него слабостью институтов, господством патерналистских отношений между властью и обществом, коррупцией, протекционизмом и приоритетом обычного права перед писанным. С другой стороны, в исторический код России встроен уникальный “ген развития”, который в критических ситуациях, в отличие от типичных “недоразвитых государств” Африки или Латинской Америки, включает механизм самообновления системы.

На протяжении последних ста пятидесяти лет Россия была одним из самых значимых полигонов мировой истории. “Великая революция”, “большой террор”, “оттепель”, “перестройка” – все это круто меняло не только жизнь в России, но и влияло на политический климат на всей планете. Не исключе-

но, что новый поворот русской истории окажется не менее радикальным, чем предыдущие, и Россия вновь подтвердит репутацию самого большого в мире “политического коллайдера”.

Перестройки в России возникают не на пустом месте и вовсе не из “любви к свободе”. Они всегда являются не столько следствием активности определенных личностей, сколько итогом развития определенных процессов. Они, как правило, ставят точку в очередной главе российской истории. Поэтому, чтобы всерьез судить о перспективах новой перестройки, необходимо прежде всего понять, итогом какого именно исторического процесса она должна стать и какую именно страницу русской истории ей предстоит перевернуть?

Ответить на этот вопрос совсем не просто. Для этого надо вписать современные российские политические реалии в общий российский исторический контекст. А значит, надо найти методологию, позволяющую связать воедино и описать в едином ключе все многообразные российские “великие потрясения”.

Полагаю, что все многообразие “судьбоносных поворотов” российской истории в XX в. может быть интерпретировано, в частности, и как последовательность различных стадий растянувшегося более чем на полтора столетия, внутренне единого революционного процесса, представляющего собой череду “революций” и “контрреволюций”, перемежаемых достаточно длительными “плато стабильности”.

В связи с этим позволю себе очень кратко обозначить несколько существенных для меня (в рамках данной статьи) моментов в понимании “революции” и “контрреволюции”:

8

Во-первых, я разделяю взгляд на революцию как на проявление социальной энтропии и разрушение естественного социального порядка. В этом смысле революция есть явление противоестественное, ибо именно социальный порядок представляет собою нормальное, “здоровое” состояние общества. Этот порядок поддерживается не только работой социальных институтов, но и опирается на действие врожденных социальных инстинктов. Поэтому революция, при всей ее значимости для истории, есть скорее патология, чем норма. Затяжная революция — это тяжелая хроническая социальная болезнь.

Во-вторых, я считаю, что контрреволюция есть внутренний момент революции, а не ее внешняя противоположность. Контрреволюция — это завершающая стадия революции. Она является не столько восстановлением порядка, существовавшего до революции, сколько восстановлением порядка как такового. Новый порядок может выглядеть внешне как старый порядок, и поэтому кажется, что смысл контрреволюции в возврате к прошлому. В действительности смысл контрреволюции в обуздании хаоса. При этом контрреволюция зачастую имеет более ярко выраженный насильственный характер, чем революция. Больше всего жертв революция оставляет не “на входе”, а “на выходе”, когда “затвердевают” новые общественные отношения.

В-третьих, я думаю, что не каждая социальная энтропия, не каждое разрушение социального порядка есть революция. Всякая революция есть бунт, но не всякий бунт есть революция. Революция, по моему мнению, сопряжена со стремлением к сознательному переустройству общественной жизни на рациональных началах. В отличие от бунта революция есть “направленный взрыв”. В ней невидимо всегда присутствует некая “интенция нового

порядка”, причем не просто нового, а выстроенного вокруг определенной “идеи”. Такое понимание революции неизбежно накладывает на меня определенные ограничения. Для меня революция неизбежно ассоциируется с европейским Новым временем и с конституционализмом.

Русская революция — это исторический лабиринт с несколькими “входами” и “выходами”. Она представляет собою длительный возвратно-поступательный (рваный) процесс, растянутый на несколько столетий, где движение к более рациональной организации общественной жизни зачастую осуществляется в иррациональной форме. Чтобы понять, у какого “выхода” из этого лабиринта мы сегодня находимся, необходимо, прежде всего, определиться со “входом”. Оценить перспективы перестройки по-настоящему можно только осмыслив всю эпоху, которую она завершает.

Точка РЕВОЛЮЦИОННОГО ОТСЧЕТА

Современная российская политическая жизнь непосредственно произрастает вовсе не из 1993 (как многим кажется) и даже не из 1991 г., а вырастает из событий далеких весны-лета 1953 г. События того времени являются “недооцененным активом” российской истории. Значение этих событий выходит далеко за рамки представлений о “политическом перевороте”, в которые их упорно пытаются втиснуть в течение полувека. Это переломный пункт советского периода российской истории, и он требует соответствующего к себе отношения.

Выражаясь современным языком, Сталин умер, не осуществив операцию “Преемник”. После его смерти на вершине пирамиды власти оказалось три вождя, каждый из которых в равной степени мог претендовать на роль лидера — Берия, Маленков и Хрущев. При этом с чисто “практической” точки зрения Хрущев имел наименьшие шансы, но именно он и стал победителем. Это тем более удивительно, что он очевидно уступал Берии как по своим волевым, так и по интеллектуальным качествам. Впрочем, морально он его все-таки превосходил.

Общепринятые представления о Берии как о примитивном похотливом садисте не очень соответствуют действительности. Так же далеки от реальности представления о Хрущеве как об инициаторе “десталинизации”. Все обстояло как раз наоборот. Буквально через несколько дней после смерти Сталина Берия, возглавивший объединенное МВД-МГБ, создал внутри ведомства четыре комиссии по пересмотру, как сейчас бы сказали, самых “резонансных” дел того времени, в том числе — знаменитого “дела врачей”, “дела Михоэлса и Еврейского антифашистского комитета” и других.

Более того, Берия стал слать в Президиум ЦК КПСС одну за другой докладные записки с информацией о “вскрытых” нарушениях законности, требуя принять срочные меры по их исправлению. Члены Президиума ЦК во главе с Хрущевым и Маленковым оказались совершенно не готовы к этим инициативам и пассивно им сопротивлялись. Чтобы подстегнуть Президиум ЦК к действиям, Берия начинает дублировать информационные сообщения, издаваемые от имени партии, собственными “пресс-релизами”, издаваемыми от имени МВД, которые имеют гораздо более радикальное звучание.

Вот что пишет по этому поводу в своих воспоминаниях Павел Судоплатов: “Сообщение МВД для печати об освобождении арестованных врачей значи-

тельно отличалось от решения ЦК КПСС. В этом сообщении Берия использовал более сильные выражения для осуждения незаконного ареста врачей. Однако его предложения по реабилитации расстрелянных членов Еврейского антифашистского комитета были отклонены Хрущевым и Маленковым. Члены ЕАК были реабилитированы лишь в 1955 г. Предложения Берии по реабилитации врачей и членов ЕАК породили ложные слухи о его еврейском происхождении и о его связях с евреями. В начале апреля 1953 г. Хрущев направил закрытое письмо партийным организациям с требованием не комментировать сообщение МВД, опубликованное в прессе, и не обсуждать проблему антисемитизма на партийных собраниях” [Судоплатов б.г.].

Этим, однако, активность Берии не ограничилась. Практически не делая паузы, он выступает с целым комплексом инициатив, которые историки окрестили “реформами Берии”. Помимо таких “либеральных” мер, как массовая амнистия и пересмотр знаковых уголовных дел, они включали в себя ограничение партийного вмешательства в государственную жизнь и особенно в управление экономикой; объединение Германии и в целом свертывание программы строительства социализма в Восточной Европе; ограничение насильственной русификации национальных окраин и другие.

С высоты сегодняшнего дня видно, что наиболее радикальные предложения “реформы Берии” намного опередили свое время и предвосхитили внутриполитические и внешнеполитические инициативы Горбачева. Тем более интересно отметить, что формально Берия был отстранен от власти не столько за произвол и репрессии, сколько именно за эти начинания, отвергнутые партией как отступление от сталинизма и либерально-буржуазное перерождение.

10

Впрочем, картина была более сложной. Если судить по стенограмме внеочередного Пленума ЦК, состоявшегося 2-7 июля 1953 г., выдвинутые против Берии обвинения были противоречивы. С одной стороны, Берии в вину были поставлены именно его радикальные инициативы, оцененные соратниками как буржуазные. С другой стороны, главное обвинение, выдвинутое против Берии, все-таки касалось попытки узурпировать власть в стране при помощи выведенных из-под партийного контроля правоохранительных органов¹.

Несмотря на справедливое отвращение, которое вызывает к себе личность Берии, чтение стенограммы “партийного судилища” над ним оставляет тягостное впечатление. Несколько десятков функционеров с безвозвратно утраченной способностью к самостоятельному мышлению обвиняли Берию во всех смертных коммунистических грехах, ставя под подозрение его вполне разумные с точки зрения современного русского человека начинания. По сути, победа Хрущева над Берией была победой ханжества над цинизмом.

Парадокс состоит в том, что Берия оказался в высшем руководстве страны единственным в своем роде “свободным” человеком. Полностью нравственно разложившись, он смотрел на жизнь с практичностью мясника, избавленного от любых иллюзий, в том числе и “отряхнувшего с ног своих” прах коммунистической мифологии. Он был прагматиком и презирал догматиков.

¹ Так Хрущев заявил на Пленуме: “Ему нужен был пост для того, чтобы взять в руки этот орган бесконтрольный... Потому что имея Особое совещание в своих руках, он на любого человека имел право. Он сам говорил: я могу любого человека заставить, что он скажет, что имеет прямую связь с английским королем или королевой. И он это делал” [Лаврентий Берия 1999: 90].

Обладая стратегическим талантом и незаурядной смелостью, он уже только в силу занимаемого им положения был лучше других информирован о том, что экономика страны подорвана, и о том, что в затравленном обществе зреет глухое раздражение. По этим же причинам он не мог не знать и о своей “непопулярности”, и поэтому решил сыграть на опережение, проявив первым инициативу в деле “десталинизации”. Он готов был пойти на уступки в идеологии, чтобы сохранить свою главную привилегию — право творить произвол, право осуществлять расправу над любым оппонентом без суда и следствия, право внушать страх.

Хрущев, напротив, был типичным представителем того большинства, которое стало жертвой почти полувековой непрерывной идеологической обработки и в сознании которого здравый смысл уродливым образом смешался с коммунистическими догматами. Дело не только в том, что Хрущев и другие члены руководства панически боялись Берии, но и в том, что они реально не понимали смысла его поступков. Особенно ярко это проявилось в полемике по вопросу об объединении Германии, которую Берия готов был “отдать” в обмен на гарантии ее нейтралитета. Тут было все: и догматическое тупоумие (Молотов: “Мы глаза тарасили... какая может быть в глазах члена Политбюро ЦК нашей партии буржуазная Германия”), и озарения ограниченного крестьянского практицизма (Хрущев: “Берия говорит, что мы договор заключим. А что стоит этот договор? Мы знаем цену договорам. Договор имеет силу, если подкреплён пушками”).

Участники Пленума ЦК, решавшие судьбу Берии, уже давно потеряли способность воспринимать мир таким, каков он есть. Только когда они говорили о своем животном страхе перед Берией, они выглядели натурально. Они во всем уступали Берии, кроме одного — на их стороне была историческая справедливость. Их объединяло желание ограничить произвол, хотя бы потому, что он грозил пожрать их самих.

КОНЕЦ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Естественно возникает вопрос: как такое скудоумное, косноязычное и трусливое “добро” могло победить столь изощренное и всемогущее “зло”?

В руках у Берии были все козыри, и в последние месяцы он даже не считал нужным это скрывать, позволяя откровенное хамство и грубость по отношению к соратникам. Мало того, что он контролировал всепроникающую службу госбезопасности, не обремененную никакими ограничениями, так он еще и превосходил своих оппонентов силой воли и ума, умением не только строить планы, но и добиваться их реализации. Берия обладал всеми необходимыми для завоевания и удержания власти материальными ресурсами, и в его подчинении уже находился мощный аппарат власти, созданный по его образу и подобию.

Смещение Берии на первый взгляд кажется алогичным. Вообще переворот 1953 г. воспринимается как какая-то случайная, “верхушечная заварушка”, в которой Хрущев чудесным образом “переиграл” Берию. Однако то, что кажется иррациональным с политической точки зрения, оказывается рациональным с точки зрения исторической. Победа “слабого” Хрущева выглядит, как это ни парадоксально звучит, исторически более оправданной, чем победа “сильного” Берии.

Чтобы понять это, надо просто тщательнее взглядеться в то, что реально было предметом спора. Если отбросить все наносное и случайное, то можно увидеть, что речь шла не столько о столкновении между Берией и Хрущевым лично, сколько о столкновении двух *политических курсов*.

Эти курсы различались между собой *отношением к насилию и праву*. Для Берии насилие оставалось универсальным методом решения стоящих перед обществом задач, независимо от того, является ли такой задачей “строительство коммунизма” или “разрушение коммунизма”. Хрущев представлял тех, кто выступал за ограниченное применение насилия, он хотел держать джинна в бутылке. Причем он подсознательно стремился не столько к сокращению репрессий (тут Берия был даже более радикален в своих “популистских” предложениях), сколько к введению в социальную практику механизмов, которые ставили бы произвол в определенные *политико-правовые* рамки.

Показательной является дискуссия о судьбе “особого совещания” при МВД. Вот как излагает свою позицию на Пленуме ЦК Хрущев: “Он [Берия] внес предложение, что нужно ликвидировать Особое совещание при МВД. Действительно, это позорное дело. Что такое Особое совещание? Это значит, что Берия арестовывает, допрашивает и Берия судит... И что же он нам голову морочит. Он пишет, что надо *упорядочить* это дело, но как упорядочить? Сейчас может Особое совещание выносить свое решение с наказанием до 25 лет и приговаривать к высшей мере — расстрелу. Я предлагаю высшую меру — расстрел отменить и не 25 лет, а 10 лет давать. Это значит дать 10 лет, а через 10 лет он может вернуться, и его опять можно будет осудить на 10 лет. Вот вам самый настоящий террор, и будет превращать любого в лагерную пыль... Я думаю от этого [террора] мы, видимо, не откажемся на будущее, но надо, чтобы это было исключением и чтобы это исключение было по решению партии и правительства, но не закон, не правило, чтобы это делал министр внутренних дел, имея такую власть, терроризируя партию и правительство” [там же: 92-93].

В этой цитате весь Хрущев — он еще готов терроризировать весь народ, но уже не может допустить, чтобы кто-то терроризировал “партию и правительство”...

И тем не менее, Берия мог предлагать тысячу правильных решений по всем актуальным вопросам внутренней и внешней политики, он мог быть в сто раз убедительнее и мощнее, чем все его оппоненты вместе взятые, но он не предлагал того, в чем измученное полувековым террором общество нуждалось более всего — он не предлагал гарантий защиты от произвола.

Хрущев мог казаться шутком и Петрушкой (а часто и быть ими); он мог повторять за Берией его ходы (что, собственно, и случилось в дальнейшем при разоблачении “культы личности”); он мог быть непоследовательным и смешным, но он предлагал то, что, выражаясь языком Льва Толстого, являлось в тот момент “дифференциалом русской истории”, было тем “простейшим однотипным влечением”, объединявшим весь народ от простого колхозника до члена Политбюро ЦК. Он выступал против оголтелого насилия.

Таким образом, если посмотреть на эту борьбу под более широким углом зрения, то речь шла о продолжении или завершении революции. Для Берии насилие оставалось универсальным методом решения экономических, социальных и политических задач. Он был готов пожертвовать знаменем революции ради

сохранения насилия. Для Хрущева насилие было уже хоть и необходимым, но все-таки злом, которое по возможности надо было вводить в рамки. Он предпочитал сохранить выцветшее знамя революции, пожертвовав насильственным духом этой революции. Вряд ли сами Хрущев и Берия понимали вполне, носителями каких идей они выступают, но это не меняет существа дела.

В этой связи вызывает особый интерес оценка, которую дал событиям 1953 г. Ричард Пайпс, рассматривавший хрущевский переворот как контрреволюционный. Он писал: “Можно даже сказать, что революция завершилась лишь со смертью Сталина в 1953 г., когда его преемники нерешительно и с оговорками взяли курс на политику, которую можно было бы охарактеризовать как контрреволюцию сверху” [Пайпс 2005: 11].

Вопреки словам популярной в советское время песни о том, что “есть у революции начало, нет у революции конца”, у революции есть как начало, так и конец. В одинаковой степени рискует и тот, кто пропустил начало революции, и тот, кто не заметил ее конца. Стремление продлить революции жизнь чревато быстрой и разрушительной катастрофой. Те, кого сегодня впечатляют несбывшиеся планы Берии, должны понимать, что эти начинания были в любом случае обречены на провал, потому что предполагали искусственное затягивание революции.

Реформы Берии намечали контуры некой “либерально-террористической системы”. С одной стороны, они обозначали движение в направлении определенного идейного высвобождения из-под гнета коммунистической догмы. С другой стороны, государственный произвол становился при этом самодостаточным и самодовлеющим, не нуждающимся ни в каком дополнительном обосновании никакими “высшими материями”.

Берия предлагал существенно ослабить роль партии, но вместе с тем и влияние идеологии на общественную и государственную жизнь в целом. Эта “абстрактно-либеральная” новация в тех конкретно-исторических условиях дала бы, скорее всего, совершенно неожиданный и печальный результат. Очень скоро возник бы вакуум власти, и последствия не заставили бы себя долго ждать. Возможно, недостаток “коммунизма” Берия попытался бы заменить избытком национализма. Но, скорее всего, просто возросла бы роль денег. Насилие и коммерция быстро нашли бы друг друга. Произвол стал бы менее систематическим, но зато более подлым, меркантильным и персонализированным. “Деидеологизированная” власть не смогла бы остаться монолитной, и внутри нее образовались бы многочисленные кланы, борющиеся между собой за контроль над “финансовыми потоками”. Так что статья о превращении воинов в торговцев могла бы увидеть свет уже лет пятьдесят тому назад...

Приход к власти Берии спрямил бы “пути истории”, ускорив неизбежное разрушение советской государственности. Агония продолжалась бы не дольше, чем отпущенный Берии срок жизни. После этого наступил бы почти мгновенный коллапс. Но при этом о мягкой “перестройке” не могло бы быть и речи. Оттепель, романтические шестидесятые, потребительские семидесятые и бурные восьмидесятые с их философией общих ценностей были еще впереди. Не пережив этих сорока лет, сыгравших роль социального амортизатора, пропитанное насилием общество не смогло бы избежать гражданской войны.

Берия проиграл не потому, что Хрущев оказался умнее, хитрее или удачливее. Сработал инстинкт самосохранения общества, которое выбрало для себя более “щадящий” сценарий, подаривший ему несколько десятилетий мирного старения и умирания. По всей видимости, в закрытых обществах действует своеобразный социальный аналог закона Геккеля (по которому в живой природе развитие индивида есть повторение развития вида в целом). Логика борьбы в замкнутом пространстве политической элиты трансцендентно отражает потребности общества даже тогда, когда это общество не способно оказывать прямого влияния на борьбу внутри властных группировок.

РОЖДЕНИЕ “СОВЕТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ”

Сегодня мне кажется, что выбор Ричардом Пайпсом 1953 г. как даты окончания русской революции очень точен². Но 1953 г. — это не только конец отсчета одной эпохи, но и начало отсчета другой.

Поражение Берии и победа Хрущева означали не только конец революции, но и знаменовали собой рождение “советской цивилизации”. Однако прежде, чем остановиться на этом более подробно, я должен сделать небольшое отступление.

По мнению Освальда Шпенглера, движение каждой культуры неизбежно подходит к точке, когда она становится зрелой, а значит, ее развитие как таковое заканчивается. Культура как бы “садится на собственную основу”, и дальше начинается ее развертывание в рамках уже сложившихся общих параметров. Это развертывание может быть вполне плодотворным в течение длительного времени. Однако новой энергией “извне” в этот момент культура уже не “подпитывается”. Это пора, когда “батарейки” не столько подзаряжаются, сколько расходуют заряд. Как бы ни была красива эпоха “зрелой культуры”, она есть предтеча осени, и конец ее уже неотвратим.

Пытаясь лучше наметить этот переломный, очень важный для него момент в развитии культуры, Шпенглер даже попытался развернуть “непривычным” образом понятия “культуры” и “цивилизации”.

“У каждой культуры, — пишет Шпенглер, — есть своя собственная цивилизация. Впервые эти оба слова, обозначавшие до сих пор смутное различие этического порядка, понимаются здесь в периодическом смысле как выражение строгой и необходимой органической последовательности. Цивилизации — неизбежная судьба культуры. Здесь достигнут тот самый пик, с высоты которого становится возможным решение последних и труднейших вопросов исторической морфологии. Цивилизации суть самые крайние и самые искусственные состояния, на которые способен более высокий тип людей. Они — завершение; они следуют за становлением как ставшее, за жизнью как смерть, за развитием как оцепенение, за деревней и душевным детством... как умственная старость... Они — конец без права обжалования, но они же, в силу внутренней необходимости, всегда оказывались реальностью” [Шпенглер 1993: 163].

Я не готов разделить радикализм оценок Шпенглера и не уверен в универсальности предложенного им соотношения между “культурой” и “циви-

² До этого я придерживался высказанной Юрием Пивоваровым точки зрения, что датой окончания русской революции является 1929 г.

лизацией”, но считаю очень важным обнаруженное им различие “становящегося” и “ставшего”, “развивающегося” и “развитого” в культуре. Это различие очень важно для понимания динамики исторического процесса в целом, а в рассматриваемом нами случае позволяет лучше постигнуть исторический смысл произведенного в 1953 г. переворота.

Истинное значение событий 1953 г. заслонено от нас явно переоцененным 1956 г. с его “культовым” XX съездом. Но то, что принято считать кульминационным пунктом “оттепели”, было всего лишь историческим следствием переворота, произошедшего за три года до этого. Просто *следствие* затмило собой *причину*, и в течение полувека 1953 г. жил “в тени” XX съезда партии.

В этом нет ничего удивительного — за второй волной часто не замечают первую. Действительный поворот случился именно на Июльском 1953 г. Пленуме ЦК. Противостояние Хрущева и Берии по смыслу своему было противостоянием курсов, опирающихся на “абсолютное” и “ограниченное” насилие, революции и контрреволюции, стратегии социального суицида и стратегии выживания.

Исход этого противостояния был обусловлен тем, что сработал инстинкт самосохранения сложившегося к тому моменту весьма специфического “советского общества”.

1953 г. — это точка зенита советского периода русской истории. Понять смысл происходивших в этом году событий — значит приблизиться к пониманию самой природы “советского общества”. Это своего рода водораздел между “советской культурой” и “советской цивилизацией”. Если следовать логике Шпенглера, то можно сказать, что формирование “коммунистической системы” в этом кульминационном пункте завершилось. В дальнейшем она только раскрывала свой потенциал, постепенно исчерпывая себя.

Революция обладает страшной инерцией. Она долго “распалается”, но также долго и “затухает”. Насилие — как зараза, от которой очень трудно избавиться, за годы революции оно входит в привычку, становится частью повседневного быта. В обществе формируются субкультуры, приспособленные к выживанию в этих специфических условиях, для которых прекращение революции — это потеря “естественной среды обитания”. Война ужасна, но дети, родившиеся на войне, воспринимают ее как норму жизни, им трудно привыкнуть к миру. Для того, чтобы остановить революцию, от общества требуется гораздо больше усилий, чем для того, чтобы ее начать. Джинна легче выпустить из бутылки, чем загнать обратно.

Избавление от революции происходит, как правило, в два этапа. При этом путь к избавлению от насилия также лежит через насилие. Его уровень зависит от конкретно-исторических условий и обстоятельств, но, как было замечено выше, зачастую “выход” из революции оказывается более кровавым, чем “вход” в нее. И это понятно — утверждение нового порядка является более сложной задачей, чем разрушение старого, к тому же и так уже сгнившего общества.

На первом этапе происходит формальное отрицание революции. Насилие в определенной мере ограничивается. Оно из “общества” перетекает в “государство”. Война “всех против всех” превращается в войну государства против общества. Это как раз тот этап, на котором революция “пожирает своих

детей”. Из него общество выходит, подавив внешний хаос и обзаведясь “вертикалью власти”. Таким этапом в развитии русской революции стал 1929 г., когда возникла первая контрреволюционная волна. Она не покушалась на сам “внутренний” насильственный дух революции, им была пронизана вся философия укрепившейся власти. Эта власть утопила Россию в крови.

На втором этапе отрицается уже сам насильственный дух революции. Это двойное “отрицание отрицания”: во-первых — ужасов первой контрреволюции (что бросается в глаза); во-вторых — ужасов революции в целом (что становится понятным только через много лет). Этим этапом и стал 1953 г., разделивший советскую историю почти строго пополам.

Завершение революции было насильственным, но не столь кровавым, как ее промежуточный этап, кульминацией которого был 1937 г. Этому способствовало то, что контрреволюция произошла вовремя, без “задержки”. Хотя Берия и его окружение были уничтожены совершенно “по-сталински”, но подавляющая часть оппонентов Хрущева смогли уйти из жизни “персональными пенсионерами”. Все, что происходит вовремя, протекает мягче.

Ценность “взятия” этого исторического рубежа, конечно, не в том, что был устранен Берия. До Берии были и Ежов, и Ягода, и Абакумов. Но их аресты и расстрелы ничего не меняли в движении русской истории. Здесь же впервые под сомнение была поставлена ценность насилия как метода “коммунистического строительства”. Это зародившееся сомнение было воистину контрреволюционным, оно ставило крест на идее “государства диктатуры пролетариата” (что нашло через несколько лет и свое формальное подтверждение, когда лозунг “диктатуры пролетариата” был тихо демонтирован и заменен лозунгом “общенародного государства”).

Решения Июльского 1953 г. Пленума ЦК можно считать моментом рождения специфического и противоречивого “советского конституционализма”. В этом историческом акте, пусть и замутненном путанной коммунистической мифологией, было больше “конституционного”, чем во всем современном российском конституционализме, потому что в его основе лежал реальный консенсус против произвола.

Этот консенсус сложился в обществе, и, как следствие, он сложился в высшем политическом руководстве страны. Таким образом, изможденная почти сорока годами революции страна высказалась против продолжения насилия. И пусть этот консенсус был неустойчивым, потому что насильственная природа советской системы была в принципе неустранима, но значение этого акта для формирования русского конституционного движения еще только предстоит оценить в будущем.

То общество, которое вышло “из шинели” Июльского 1953 г. Пленума ЦК, было странным на вид. Оно было противоречием в себе самом. Сохраненная Хрущевым “коммунистическая догма” заставляла рассматривать государство как возведенное в закон насилие (это можно назвать по-разному, например, по-путински — “диктатурой закона”, но суть от этого не изменится). Но в то же время Хрущев на “чувственном уровне”, следуя духу времени, пассивно выступил против насилия. Вот и получилось, что у “советской цивилизации” ум с сердцем оказались не в ладах.

Эта всепроникающая двойственность “советской цивилизации”, протекавшая из противоречия между философией (даже религией) насилия, лежащей в основе коммунистической идеологии, и движением против насилия, начало которому положила победа “хрущевской партии” над “партией МВД”, позднее привела к крушению советской системы. Советский “трест” не выдержал внутреннего напряжения и лопнул почти полвека спустя.

Противоречие разрешилось тогда, когда в окончательно конституировавшемся, “зрелом” советском обществе родившийся в начале 50-х годов XX в. консенсус против насилия обрел, наконец, свою собственную философию. Он нашел воплощение в странной идеологии “общечеловеческих ценностей”, которая постепенно овладела массовым сознанием. Эта новая идеология, не либеральная по своей природе, но близкая к ней по направленности, добила окончательно “идеологию коммунизма” с его узаконенным насилием, а также всю обслуживающую эту идеологию политическую систему.

Так в начале 1990-х годов пришел конец этой удивительной “советской цивилизации”, ставшей своего рода трагическим историческим курьезом. Советская цивилизация была явлением противоестественным, и, в то же время, логичным и необходимым. Русская история в этом случае исполнила рискованный трюк — нечто вроде “исторической петли Нестерова”. Это был смертельно опасный эксперимент, по ходу которого Россия могла в любой момент сорваться “в штопор”. Причем сегодня, “на выходе” из этой петли, риск сорваться в штопор еще больше, чем на “входе” в нее.

В основании русской цивилизации лежал большевизм — квазирелигиозное движение, временно (а, возможно, и навсегда) вытеснившее собою русское православие, возникшее из противоречий русской социальной и духовной жизни и материализовавшееся на волне кризиса, вызванного мировой войной.

Большевизм был своего рода религией созидającego насилия, паранойей “жизнеустройства” по заранее предначертанному плану, обремененной разветвленной и всепоглощающей мифологией. Эти качества позволили большевизму овладеть массовым сознанием и превратиться в “навязчивое состояние” для сотен миллионов людей. За почти сорок лет революции все социальные, политические и даже личные отношения оказались перестроены в соответствии с этим абсурдным религиозным учением.

Именно религиозная природа большевизма предопределила устойчивость сформированной им “советской культуры” и ее способность развиваться до уровня “советской цивилизации”. Благодаря большевизму на теле российской истории образовался своеобразный “цивилизационный пузырь”. Его можно рассматривать как некое культурное новообразование в “теле” русской православной цивилизации. Так иногда, разрезав большой зрелый апельсин, внутри него можно обнаружить еще один маленький апельсинчик. Вот такая же странная неполноценная “цивилизация внутри цивилизации” появилась в России в XX в. В 1953 г. она, наконец, состоялась как нечто органичное, способное просуществовать почти сорок лет и умереть от немощи.

Интересно, что смерть советской цивилизации была почти такой же тихой, как и смерть предшествующей ей 300-летней империи. Она исчерпала себя и испустила дух в 1989 г. Как это часто бывает в России, проблема возникла не столько с отказом от старого, сколько с признанием нового.

“ПЕРЕСТРОЙКА” КАК РУССКАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ “РЕВОЛЮЦИИ СВЕРХУ”

Советский строй был для большого российского общества функционально тем же, чем для большого человека является наркоз. Чтобы не погибнуть от болевого шока, общество впало в “коммунистический анабиоз”, просуществовав в нем почти столетие. Когда наркоз перестал действовать и пузырь “советской цивилизации” сдулся, общество вернулось к тому, с чего все начиналось — к русской революции с ее нерешенными задачами.

Также как контрреволюция 1953 г. оказалась скрыта для нас событиями 1956 г., возобновление русской революции в 1989 г. оказалось скрыто от нас бурными событиями 1991-1993 гг. В действительности именно в 1989 г. произошли те радикальные изменения, которые остановили часы советской истории и с которых начался отсчет нового времени: Горбачев победил консерваторов в ЦК КПСС и на партийной конференции; было созвано подобие Учредительного собрания — Съезд народных депутатов и начался распад “Советской Империи” (крушение “берлинской стены” и вывод войск из Афганистана).

Видимо, есть какая-то закономерность в том, что “девятый вал” революции приходит не сразу, а спустя несколько лет после основного, но при этом не столь заметного “подземного толчка”. Возможно, это связано с тем, что первый толчок рождает определенные ожидания, которые практически никогда не могут быть оправданы. И тогда разочарованное общество наносит второй сокрушительный удар по умирающей власти.

В 1990-е годы Россия погрузилась в хаос революционного насилия, в котором пребывала почти пятнадцать лет. То, что мы называем “лихими 90-ми”, было временем революционной ломки всех сложившихся отношений и стереотипов, насильственного перераспределения имущества и власти. В конце концов, из хаоса стал проступать “новый порядок”, который во многом, к несчастью, напоминал порядок старый, поскольку никаких видимых культурных подвижек в обществе за это время не произошло.

В 2003-2004 гг. Россию накрыла первая контрреволюционная волна, которая попыталась ввести “революционное наследие” 1990-х в определенные рамки. Она носила преимущественно антиолигархический характер, частью уничтожив, частью поставив под контроль государства элиту, рожденную горбачевско-ельцинской революцией. Возникшее из этой контрреволюции государство осталось, тем не менее, насильственным по своей природе и целям. Причем уровень и роль насилия в функционировании современной российской власти явно недооцениваются³.

То, что Россия переживает сегодня эпоху реставрации, стало общим местом в политической публицистике последних лет. Повсюду мы наталкиваемся на знакомые до боли экономические, социальные и политические очертания. И действительно, повсеместный возврат от плюрализма к монополии, идет ли речь

³ Многим это покажется странным, но дистанция между днем вчерашним и днем сегодняшним не так велика, как кажется. В соответствии с поданной в Политбюро ЦК КПСС докладной запиской от 26 марта 1953 г. в лагерях в тот момент содержалось 2 526 402 человека, из которых “государственных преступников”, содержавшихся в “особых лагерях МВД”, было 221 435 человек. В современной России в пиковый “докризисный” 2007 г. общее количество заключенных составило 890 000 человек при населении около 140 млн человек. Да, разница есть, но не такая большая, как хотелось бы.

об экономической конкуренции или о политической борьбе, как нельзя лучше иллюстрирует полученный советской историей от современной России “откат”.

В то же время Россия, если и напоминает СССР, то эпохи упадка. Перед нами вялое общество, управляемое изможденным государством. Население преимущественно пребывает в “политически бессознательном” состоянии, а замеры общественного мнения с регулярной повторяемостью фиксируют утрату гражданами всякого интереса к политике. Все это напоминает состояние советского общества времен “позднего застоя”. Парадоксальным образом Россия умудрилась вернуться в “точку невозврата”, в ту самую эпоху, когда произошел “большой скачок” к “демократии” и “капитализму”.

При этом режим внешне выглядит как вполне жизнеспособный и стабильный. С одной стороны, сегодняшняя власть в России совершенно самодостаточна и способна к неограниченному самовоспроизводству. Она надежно защищена от любых “внешних” воздействий и, тем более, давно выработала иммунитет против либеральной критики. С другой стороны, население России в 1990-е годы получило такую мощную прививку от “либерализма”, что рассчитывать сегодня на какое-либо массовое демократическое движение внутри страны не приходится. Из всех видов “цветных революций” наиболее вероятной в России является “коричневая”.

Поэтому тему “перемен” вообще можно было бы полностью закрыть, если бы дело ограничивалось изменениями, вызванными рациональными причинами. Но даже подводная лодка всплывает на поверхность, когда заканчивается кислород. Помимо “рациональных”, в политике действуют зачастую и иррациональные силы. Как указывалось выше, зачастую в российской истории самая стабильная, внешне и внутренне неуязвимая “система” исчезала, неожиданно запустив механизм самоликвидации.

То, что невозможно в “эвклидовой” политической геометрии, оказывается возможным в “политической геометрии Лобачевского”. Власть, неуязвимая для рациональной критики, вдруг начинает вести себя иррационально, и с этого момента начинается обратный отсчет срока, отпущенного “системе”.

Нелишне вспомнить, что революции, по Ленину, происходят не тогда, когда этого хочется кому-то, а тогда, когда этого хочется им самим, т. е. когда возникает революционная ситуация, которую ни предвидеть, ни подготовить нельзя. Ленин писал: “Для революции недостаточно того, чтобы низы не хотели жить, как прежде. Для нее требуется еще, чтобы верхи не могли хозяйничать и управлять, как прежде”. Революции являются на свет, прежде всего, как следствие иррационального поведения “верхов”, которые по каким-то причинам более не могут править “по-старому”.

Тектонические сдвиги незаметно происходят глубоко под поверхностью земли, но только, когда случается разрушительное землетрясение, обитающие “на поверхности” люди узнают о том, что земные “платформы” уже давно пришли в движение. Как правило, еще задолго до катастрофы природа посылает людям многочисленные сигналы, свидетельствующие о том, что “процесс пошел”. Так же и в обществе: нарастание глубинных, неразрешимых противоречий внутри “системы” трудно поначалу обнаружить невооруженным глазом. И хотя “социальное подземелье” бурлит, жизнь на поверхности очень долго может оставаться стабильной.

Вообще, социальные и политические системы инерционны. Если не случится войны или иной равной по силе катастрофы, они могут гнить заживо столетиями. Только практически полное разрушение социальной и политической инфраструктуры может поднять “низы” на успешный революционный бунт. Казалось бы, современной России с ее запасами нефти и газа и с ядерным щитом ничего не грозит?

Но, оказывается, однако, что “верхи” гораздо более чувствительны к тем политическим “подземным толчкам”, которые производит столкновение неразрешенных (или неразрешимых при данных условиях) социальных (в широком смысле слова) интересов. Они способны запускать механизм “революции сверху” и без войны, именно тогда, когда политическая жизнь кажется спокойной и предсказуемой. Под воздействием этих толчков власть как будто сходит с ума и своими собственными действиями уничтожает выпестованную ею стабильность.

Правительство само начинает создавать себе проблемы на пустом месте. То, что еще вчера казалось пусть спорным, но рациональным шагом, сегодня оборачивается россыпью самоубийственных поступков, подрывающих авторитет “верхов”. Власть обрастает ненужными ей конфликтами, как днище старой шхуны обрастает морскими гадами. “Дело Ходорковского”, “дело Магнитского” и им подобные процессы заводят власть в тупик. Ни в одном из этих дел уже нельзя проследить, в чем, собственно, сегодня заключается интерес власти. Этот интерес рассыпается на множество случайных интересов отдельных людей и групп, вовлекших в свое время власть в эти бесчисленные конфликты и теперь не позволяющих ей выскочить из западни.

В этот момент, по всей видимости, и пробуждается тот самый “ген развития”, встроенный в русский культурный код, о котором я писал в самом начале статьи и который время от времени запускает механизм обновления русской власти. Механизм этот опирается на определенные компенсаторные возможности, сложившиеся эволюционно внутри самой русской власти и практически не зависящие от состояния (политической температуры) “окружающей среды”. Начинается перестройка.

Это и есть русская “революция сверху”. Она не является либеральной, она происходит сама по себе, возникая и развиваясь по своей внутренней логике. Она “раскатывается” не сразу, проходя поэтапно путь от “микрорекорекции” к “системным сдвигам”.

Первым шагом, как правило, является осознание технологической отсталости и фиксация стагнации экономической и культурной жизни. Затем следует попытка найти способ решения проблемы с наименьшими потерями для системы за счет мобилизации имеющихся ресурсов. Когда попытка улучшить положение дел, ничего на самом деле не меняя, проваливается, следует признание необходимости частных, “корректирующих” реформ. И, наконец, после того, как частные реформы заходят в тупик, приходит осознание необходимости “системных перемен”. С этой точки “революция сверху” становится явной.

То, что всем кажется началом, на деле является концом, финальной точкой процесса. Как в хорошей драме, в “революции сверху” зрители понимают суть происходящего только в последнем акте...

Политические реалии современной России все чаще напоминают нам об исходе застоя. Это заставляет нас внимательнее всматриваться в малоприметные детали той эпохи. С высоты сегодняшнего дня многое становится яснее, и эта ясность, в свою очередь, проливает некоторый свет на происходящее с нами.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

Перестройка — один из самых спорных пунктов новейшей российской истории. И, к сожалению, нет надежды, что когда-нибудь в отношении нее будет достигнуто единство мнений и оценок, как никогда не будет единства мнений по поводу петровских преобразований, октябрьской революции и сталинских репрессий. В точках разлома история неоднозначна по определению.

Именно поэтому я не готов ни к оправданию перестройки вслед за М.С.Горбачевым, ни к возложению на нее ответственности за “развал государственности” вслед за В.Д.Зорькиным [Зорькин 2009]. Я могу лишь констатировать, что процесс, аналогичный перестройке, уже запущен, и вряд ли в чьих-либо силах сегодня его приостановить. Когда невероятное станет очевидным, будет слишком поздно. Я не могу сказать, какой Россия будет через три-четыре года, но могу смело утверждать, что она будет другой, чем сегодня.

Перестройка, при всей ее неоднозначности, является классическим примером самоликвидации “системы”. Боюсь, что все, кто готов сегодня приписать себе заслугу разрушения “империи зла”, имеют к этому лишь очень опосредованное отношение. Ни диссидентское движение, ни прямое давление из-за океана не были сами по себе факторами, способными не то чтобы уничтожить СССР, но даже поколебать его равновесие.

Косвенно это доказывается тем, что ни диссиденты, ни “зарубежные агенты”, в конечном счете, так и не стали главными политическими бенефициарами перестройки. Современная Россия даже в большей степени враждебна западным ценностям, чем умирающая брежневская империя, а диссидентство возрождается вновь как движение “обреченных романтиков”⁴.

Основной вклад в развал СССР внесли советская номенклатура, связанная с ней интеллигенция и порожденное самой “системой” зазеркалье — криминал. Говоря иными словами, “трест лопнул от внутреннего напряжения”, власть пала под воздействием составляющих ее элементов.

Опубликовав недавно в “Нью-Йорк таймс” свою статью, посвященную перестройке, Михаил Горбачев существенно упростил мне задачу изложения материала. Его статья является блестящей иллюстрацией поэтапного осознания верхами масштабов осуществляемой ими революции [The New York Times 2010].

“Мы начали перестройку, так как наш народ и руководство страны понимали, что жить как прежде мы не можем”.

⁴ Это замечание, тем не менее, нельзя понимать в том смысле, что ни у Запада, ни у либерального движения вообще не было никакого влияния и никаких “исторических заслуг” в деле борьбы с коммунизмом. Речь идет о том, что ни то, ни другое не были самодостаточными факторами, способными обеспечить результат, если бы “система” сама не стала разрушаться по совершенно иным причинам.

А собственно — почему? Что мешало продолжать в том же духе? Уж что-то, а революция СССР точно не грозила. За несколько месяцев до распада страны народ на референдуме проголосовал за сохранение Союза, и уверяю вас, это не было связано с фальсификацией результатов. Просто в голову никому не приходило, что имеет смысл голосовать за что-то другое.

Отставание технологическое, конечно, нарастало. Так оно после всех “модернизаций” стало только больше. Наличие ядерного оружия в любом случае снимало вопрос о прямом военном столкновении с любым потенциальным противником. Качество жизни тогда и сейчас тоже, как минимум, спорный вопрос. Но, главное, нигде само по себе снижение качества жизни не приводит к краху тоталитарной системы.

Так что вполне могли бы и “как прежде”. Но, как заметил Михаил Булгаков, разруха начинается в головах. Власть сама вдруг задержалась в судорогах, пуская круги по политической воде. Сработал спусковой крючок русской “революции сверху”, необратимо запуская процесс самоликвидации системы.

И это вовсе не было ни ошибкой, ни трагедией. Просто механика русской власти сложнее, многослойней, чем нам самим порой кажется. Она имеет встроенный “надличностный” регулятор, ограничивающий эгоизм “текущего” поколения в интересах национального развития. То, что может (и зачастую хочет) себе позволить в данный момент живущее поколение (иждивенчески существовать за счет сжигания наличных ресурсов), не может себе позволять то не совсем осязаемое нами органическое целое, которое мы условно можем назвать “русской цивилизацией”, “русским миром”, “русской системой” и которое не ограничено рамками жизни одного поколения.

И вот эта “русская система” неожиданно, в самый, кажется, неподходящий момент, когда все вроде бы идет отнюдь не катастрофично, включает механизм обновления. Понять, как и почему он срабатывает в России — задача поважней, чем написание сотни мечтательных книг о демократии. Но это тема отдельного разговора. Здесь для нас существенно то, что в середине 80-х в СССР этот механизм был приведен в действие.

“Советский союз был силен в критических ситуациях, но при более нормальных обстоятельствах наша система обрекала нас на неполноценность”.

Сегодня, более чем четверть века спустя, некоторые детали происшедшего начинают стираться в памяти. Поэтому мало кто обращает внимание на то, что движение началось с безобидного призыва к “ускорению”. Никто поначалу не хотел ломать ни себя, ни других. Господствовала иллюзия, что достаточно *правильно* захотеть — и все получится.

Поэтому главные усилия были направлены на постановку задач. Шло переосмысление того, что есть “хорошо”, а что есть “плохо”. Как бы само собой разумелось, что уж если поставлены “правильные” цели, то их достижение есть дело административной техники. Заодно нужно было преодолеть расхлябанность, подтянуть дисциплину, короче — мобилизовать все наличные ресурсы; в общем, доказать, что система еще способна на подвиги даже в мирное время. В этом была суть концепции “ускорения”.

“Было совершенно ясно то, от чего нам необходимо отказаться: от жесткой и косной идеологической, политической и экономической системы; от кон-

фронтации со значительной частью остального мира; а также от необузданной гонки вооружений”.

Ускорение шло с “промедлением”, и власть вступила на скользкий путь “частных” реформ. Не затрагивая вопрос о порочности политической и экономической систем в целом, она сосредотачивалась на отдельных особенно неприемлемых практиках и пыталась их ликвидировать.

Это была “наивная революция”. Она зачастую полагала, что достаточно назвать зло своим именем, чтобы оно тут же стало чахнуть и впоследствии исчезло. Именно поэтому “гласность” стала излюбленным и чуть ли не единственным инструментом в арсенале реформаторов.

Но зло как-то быстро приспособилось к жизни на свету. Частные меры не помогали, а жить вследствие общей дезорганизации в работе административной системы становилось даже тяжелей, чем было раньше.

“За короткое время мы прошли большой путь, перейдя от попыток исправить существующую систему к осознанию необходимости ее замены”.

Собственно только на этой последней стадии речь зашла о “перестройке” как таковой. “Сверху” был запущен процесс, управлять которым оказалось невозможно. Теперь уже не “верхи” вели революцию, а революция вела “верхи” за собой.

В общем и целом, с высоты сегодняшнего дня можно сказать, что “перестройка” провалилась. Необъезженный мустанг революции сбросил с себя нерадивого наездника и ускакал в поле, где вволю порезвился, искромсав штормовые 1990-е годы, пока, наконец, его пыл не иссяк. Тогда его поймали и отвели в гнусное стойло, где, казалось бы, ему и суждено было сгинуть навсегда.

Впрочем, это не значит, что перестройка была ошибкой. Плохо, что Горбачев не справился с исторической задачей. Не по нему оказалась шапка Мономаха. Но было бы гораздо хуже, если он эту задачу не поставил. Впрочем, он и не мог ее не поставить. Перестройка была движением истории, а не отдельной личности.

Но история осталась неудовлетворенной. В отличие от отдельных личностей, она своих целей не достигла. Вопрос исторического будущего России остается открытым, и поэтому новая “перестройка” в любой момент может снова “всплыть” в повестке дня. “Ген развития” продолжает свою подрывную деятельность, угрожая стабильности “системы”.

МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ИМИТАЦИЯ “ПЕРЕСТРОЙКИ”

Сегодняшние споры о “модернизации” могут быть бесконечными, так как каких-либо объективных данных, позволяющих судить о серьезности или несерьезности этой инициативы, практически нет. В основе рассуждений по необходимости лежат слухи, предположения и пожелания, разумеется — благие.

Тем не менее, кое-что становится более понятным, если рассматривать “модернизацию” в более широком историческом контексте, не как отдельную политическую инициативу, а как внутреннюю реакцию на “внезапно” выявившуюся иррациональность русской политической жизни и, как следствие, некий этап в разрывании очередной “революции сверху”.

Следует вспомнить, что еще до того, как была продвинута идея “модернизации”, между Медведевым и Путиным возникли оттеночные расхождения в оценке последствий финансового кризиса для России. И если премьер делал акцент на сохранении “управляемости” и сравнительном благополучии положения дел в России, то президент напоминал о том, что кризис выявил отсталость и уязвимость российской экономики.

В этих президентских оценках рефреном звучало горбачевское “так жизнь нельзя”, и поэтому не удивительно, что следующим шагом стала презентация “мобилизационной” модели развития. Если отбросить риторику, то в заявленном виде суть концепции “модернизации” сводится к тому, что можно, ничего принципиально не меняя в основах политической и экономической систем, одним напряжением политической воли и правильным целеполаганием придать новый импульс развитию общества в целом и экономики в частности.

В этом концепция “модернизации” ничем, по сути, не отличается от концепции “ускорения”. Функционально она, по всей видимости, представляет собой промежуточный шаг в движении власти от осознания необходимости частичных реформ к признанию необходимости полной замены системы. “Модернизация” как таковая является внутренним моментом эволюции власти и мало влияет на реальную жизнь за пределами властного круга. Потому что реальная жизнь не меняется под воздействием заклинаний. “Модернизация” — это “ускорение” нашего времени.

Однако, сказав “А” и “Б”, власть вынуждена была практически тут же сказать и “В”. Выяснилось, что “модернизации” и “инновации” плохо совместимы с “махновщиной”, которая буйно расцвела под крышей МВД.

Здесь нет никакого “второго дна”, все на поверхности: наивно полагать, что кто-то будет вкладываться в долгосрочные проекты, зная, что в любой момент тебя могут ограбить. А главное, никакой защиты нет — жаловаться придется к тем, кто ограбил. В лучшем случае отнимут оставшееся, в худшем — посадят за то, что ограбил сам себя. В России господствует экономика коротких денег, потому что в такой среде выживают только “простейшие” экономические организмы, т. е. спекулянты всех мастей и профессиональные “кидалы” бюджета. Под мечтательные разговоры о модернизации происходит непрерывная деградация экономической инфраструктуры, ее крайнее “опрошение”.

Надо отдать должное Медведеву — он рискнул взять следующий вес и заговорил о реорганизации МВД, тем самым признав необходимость частных реформ. Таким образом, мы оказались сразу где-то на уровне горбачевского тусклого 1988 г.: уже после апрельского Пленума ЦК КПСС, но еще до XIX Партконференции. Мы пытаемся что-то поменять в части, опасаясь трогать целое. Правда, Медведев прошел этот путь почти в два раза быстрее, чем Горбачев.

Рискну предположить, что это — промежуточная стадия, на которой дело, скорее всего, не остановится. Чем больше будет разговоров о МВД, тем яснее будет становиться, что проблема отнюдь не в нем, а во всей “системе”, в основании которой лежит правовой нигилизм. Вновь вспомнится Ленин, предупреждавший соратников по партии о том, что нельзя решать “частные” вопросы, не решая вперед “общих”.

Таким образом, вполне возможно, что не за горами то время, когда начнет решаться судьба всей правоохранительной и судебной системы, а заодно и обслуживающей ее политической инфраструктуры. И сделает все это сама “русская система”, руководимая врожденным инстинктом “самоликвидации”. Это и станет вторым изданием “перестройки”.

Известно, что в одну воду нельзя войти дважды, и это сразу настраивает на пессимистический лад, когда речь заходит о нынешних начинаниях властей. Однако не исключен вариант, при котором второе издание “перестройки” может быть “улучшенным и дополненным” и поэтому стать успешнее первого. Не говоря о том, что опыт дорогого стоит и мели, на которые напоролся Горбачев, так или иначе нанесены на карту.

Но, главное, изменились и сами условия. Новая перестройка в принципе не может быть повторением первой. Та, осуществлялась в условиях подъема революционной волны. Эта происходит на фоне контрреволюционной стабилизации. Положа руку на сердце, следует признать, что первый “перестроечный” проект был совершеннейшей авантюрой. Осуществлять одновременно полный демонтаж старой системы и строительство новой было не по плечу никому. Сегодня, по крайней мере, ничего не надо демонтировать, все разрушено (украдено) до нас...

Если говорить серьезно, никакой базы для функционирования рыночной экономики при Горбачеве не было. Не было ни кадров, ни структур, ни законодательства (проще сказать — ничего не было). Единственный “работающий” в тех условиях вариант развития был “китайский” — путь крайне медленных поэтапных преобразований при сохранении эффективной авторитарной власти. Но русские — не китайцы, медленно — это не для нас.

Сегодня, между прочим, база-то есть. Выросло поколение людей, не падающих в обморок от слова “биржа”, государство “вырастило” регуляторы рынка. Они плохо работают, но они уже есть. Много людей прошло школу международного бизнеса и, между прочим, осознало, что они вполне конкурентоспособны. Сам международный бизнес сидит уже давно внутри, а не снаружи. Так что говорить о том, что страна не изменилась, было бы неверным.

Чего же нет? Нет политических условий, позволяющих этим росткам новой экономики прорасти. Как только они пробиваются на поверхность, их выклеивает “силовое воронье”. Но тут хотя бы обозначаются стороны противостояния, вырисовываются “базис” и “надстройка”, которые явно не соответствуют друг другу. Пришло время вслед за Лениным вспомнить и о Марксе. Все-таки логичней, если надстройка будет подтягиваться к базису, а не наоборот. Новая реальность не может далее описываться в терминах “политэкономии”.

Главное — это то, что противоречие обозначило себя. Остальное — дело времени. Рано или поздно оно найдет либо свое разрешение, либо свое “разрушение”. В последнем, печальном случае это будет означать конец русской истории. Так что, в общем и целом, у второй “перестройки” на самом деле больше шансов, чем у первой, в том числе и потому, что отступать некуда.

На этом объективно тяжелом фоне происходит скрытая мобилизация властных элит. Состояние русских верхов напоминает вязкий насыщенный раствор. Застывшая инертная масса, неспособная на движение. Ни один из

компонентов этого раствора по отдельности, ни все они сразу вроде бы не способны к переменам. Но стоит добавить в этот раствор катализатор, и все изменится, произойдет мгновенная кристаллизация.

Ни от кого сегодня не приходится ожидать активных действий. Ни одна социальная или политическая сила не в состоянии поколебать сложившийся политический “статус-кво”. Но, в то же время, потенциально верхи для перемен созрели. Сами они не поднимутся, потому что русские верхи трусливы, и никогда не ввяжутся в борьбу ранее, чем убедятся, что находятся на стороне сильного. Но, если возникнет “революционная ситуация”, их поведение будет непредсказуемым, и, скорее всего, они консолидируются вокруг того, кто предложит перемены.

На исторической сцене все те же “игроки”, что и четверть века тому назад — номенклатура, околоставная интеллигенция и криминал. Но теперь не советские, а российские. Именно им, если “процесс пойдет”, предстоит консолидироваться в новый “перестроечный альянс”. Но база для консолидации теперь несколько иная. При Горбачеве элиты хотели *получить* собственность, оформить де-юре имевшееся у них де-факто право распоряжения общественными ресурсами. При Медведеве элиты хотят *защитить* имеющуюся собственность, прекратить идущую де-факто ренационализацию возникших после первой “перестройки” капиталов. Если вдуматься, то разница не так велика. Общее и в том, и в другом случае — сопротивление внешнему, государственному вмешательству в экономическую жизнь. Нынешняя ситуация как бы вытекает из предыдущей.

26

В конце 80-х годов прошлого века основным объектом критики была “плановая экономика”, якобы (а, может быть, и на самом деле) неспособная решать новые встающие перед обществом задачи. В переводе на политический язык это звучало как борьба с “административно-командной системой”, которая определялась как постоянное внеэкономическое (внешнее) насилие над экономикой.

Сегодня основным объектом критики становится “силовая экономика”, основанная на государственном рейдерстве система “соучастия” правоохранительных органов в управлении формально независимыми коммерческими структурами всех уровней вне зависимости от формы их собственности. По сути — это есть то же самое внеэкономическое (внешнее) насилие над экономикой, не позволяющее ей развиваться по своим собственным законам.

К государственному регулированию экономики (под которое система “государственного рейдерства” стремится мимикрировать) это не имеет никакого отношения. Более того, “силовая экономика” фактически блокирует нормальное развитие эффективных государственных институтов, призванных регулировать экономическую деятельность.

В этом отношении Россия, скорее, откатилась назад по сравнению с началом нового тысячелетия, уничтожая и так не слишком большой задел, который пусть “коряво”, но успели создать в 1990-е годы. Экономический блок Правительства деградирует на глазах. И не по своей вине. Это естественный процесс, потому что, как известно, неработающий орган атрофируется. В чем смысл существования Минэкономики при наличии отделов по расследованию экономических преступлений МВД в их нынешнем виде и с нынешни-

ми полномочиями? Россия вернулась в ту точку, из которой она стартовала в 1980-е. Только вместо Госплана теперь ФСБ с МВД, а вместо “политэкономии социализма” впору учить “полиэкономии капитализма”.

Это создает неуверенность у властной элиты, за исключением того ее сегмента, который непосредственно обслуживает “силовую экономику”. Хотя в последнем уже немало людей, потому что это уже целый сектор со своими “черными юристами”, “черными банкирами”, всех мастей консультантами, посредниками, администраторами, не говоря уже о самих “героях дня” — сотрудиниках правоохранительных органов и судьях. Тем не менее, остальные представители элиты устали жить на бочке с порохом в системе, главное правило которой — отсутствие всяких правил.

Безопасность — это лозунг, позволяющий объединяться самым различным фракциям. Четверть века назад из России ехали в поисках *комфорта и свободы*, сегодня уезжают в поисках *порядка*. При этом страну покидают как рейдеры, так и их жертвы. Потому что “силовики” *свои* деньги предпочитают все-таки хранить в странах, где все же действуют ненавистное им *rule of law*.

По всей видимости, консолидация верхов и будет складываться вокруг лозунга создания “правового государства”, на чем сойдутся и влиятельные вельможи новой администрации, и культурная элита, и те криминальные авторитеты, которые устали от бесконечных войн и стремятся к легализации и стабилизации своего положения. Найдутся и перебежчики из “силового лагеря”. В тот час, когда карета превратится в тыкву, многие вспомнят забытые ими сегодня основы правовых знаний...

В случае с “революцией сверху”, как и в случае с землетрясением, можно утверждать, что оно неизбежно, и даже указывать на предполагаемое место, но предсказать точное время, когда она произойдет, практически невозможно. Все может случиться завтра, а может, пройдет десяток лет прежде, чем проскочит “политическая искра”. Хотя второе все же менее вероятно, потому что при сохранении “силовой экономики” в том виде, в котором она сегодня существует, хозяйственная жизнь в стране довольно быстро придет в упадок вне зависимости от уровня цен на энергоносители. Конечно, экономический кризис сам по себе политических перемен не вызывает, но напряжение создает.

Надо, однако, быть достаточно трезвыми в своих ожиданиях от второго издания “перестройки”. Наивно предполагать, что Россия в результате станет либеральным и демократическим государством. Политика не может возместить собою то, для чего необходима длительная культурная работа. Но в случае успеха можно ожидать прогресса в обеспечении правопорядка, введения правоприменительной деятельности в определенное русло. Коридор возможностей при этом будет неширокий: где-то между Россией Николая I и Россией Александра II. Но и Николаевская Россия выглядит более прогрессивной по сравнению с царящим сегодня институциональным хаосом.

КОГДА ГРЯНЕТ ГРОМ? БЛИЗКИЙ ФИНАЛ

Возможно, нам осталось не так долго ждать ответа на многие возникающие сегодня вопросы. Горбачев проделал путь от “так жить нельзя” до “крушения коммунизма” практически за шесть лет. Если принять во внимание предположения С.П.Капицы о сжатии исторического времени, сегодня это

займет несколько меньше времени. В любом случае “пятилетка” между 2012 и 2017 гг. не сулит покоя. Россия входит в полосу турбулентности.

Правда, один тип хаоса может быть вытеснен другим. Общество не может спать вечно. А вместе с обществом проснется и армия. Речь не идет о военном перевороте. Для этого в российской армии нет политических традиций. Речь идет, скорее, о перераспределении влияния.

Когда-то Ельцин, разгромив КГБ, выбросил на улицу тысячи профессиональных оперативников, следователей, разведчиков и контрразведчиков. Через десять лет они нашли себе применение, занявшись сначала экономикой России, а потом и политическим процессом. Сегодня — другая крайность. В рамках военной реформы “высвобождаются” тысячи военных профессионалов. Эти люди воспитаны, чтобы брать, а не просить. Пока они тихо накапливаются во всех сегментах “гражданского общества”. Но цикл скоро заканчивается...

Не исключено, что 2013 г. станет началом нового “политического времени”. Военные могут снова предложить себя власти как одну из ее опорных точек. И тем самым составить конкуренцию выходцам из спецслужб в политике, которые последние годы были там чуть ли не единственными представителями силового блока. По своему политическому значению это событие будет сопоставимо с результатами выборов 2012 г.

Легко ошибиться в дате, трудно ошибиться в тенденции. Социологические опросы показывают, что сегодня народ “голосует за спецслужбы”, которые не испытывают недостатка в желающих устроиться на работу. Пока конкурс в какую-нибудь налоговую академию такой же, какой раньше был только в военные училища, после окончания которых можно было стать космонавтом. В армию идут лишь те, кто не попал в милицию. А зря. Возможно, совсем скоро маятник истории пойдет в другую сторону.

Зорькин В.Д. 2009. Повторение пройденного. К шестнадцатилетию российской Конституции. — *Российская газета*. 12.12. — <http://www.rg.ru/2009/12/11/zorkin.html>

Лаврентий Берия. 1953. 1999. Документы. М.

Пайпс Р. 2005. *Русская революция*. Книга первая. М.

Судоплатов П. б.г. *Спецоперации. Падение Берии и мой арест*. — http://www.hrono.ru/libris/lib_s/beria.html

Шпенглер О. 1993. *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории*. М.

“*The New York Times*”. 14.03.2010 — <http://rus.ruvr.ru/2010/03/15/5304830.html>